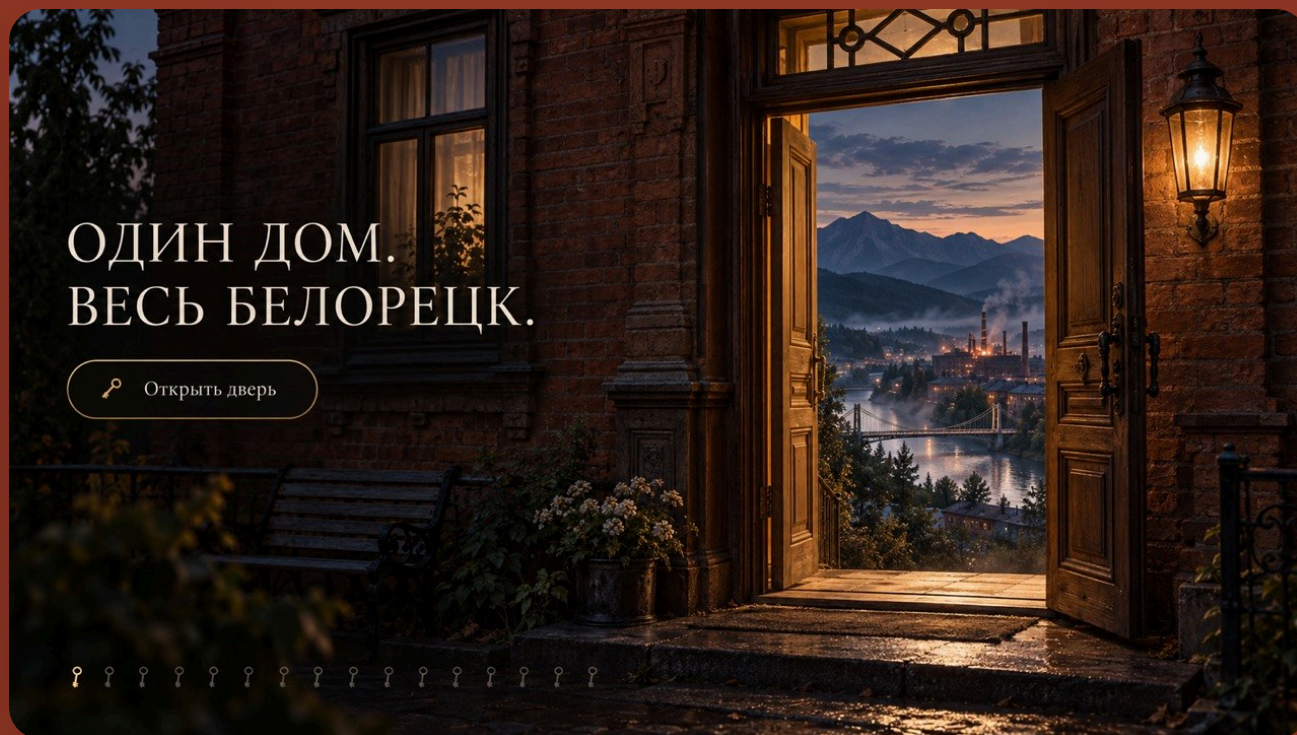

Художественная реконструкция — образ проекта

ЗОВ ГОРОДА · БЕЛОРЕЦК

Один дом. Весь Белорецк

*История города, рассказанная через дом
на Красной, 9*

Электронная книга · пролог + 16 глав + эпилог

↓ Скачать книгу в PDF

Оглавление

Есть дома, мимо которых пройти не получается. Красная, 9 — один из них.

ПРОЛОГ	Дом, с которого начинается город
ГЛАВА 1	До завода: река Белая, горы и лес
ГЛАВА 2	1762: Твердышев, Мясников и рождение завода
ГЛАВА 3	Вода, которая построила город
ГЛАВА 4	Огонь домны: как жил горнозаводской мир
ГЛАВА 5	Пашковы: наследство, долги и конец одной эпохи
ГЛАВА 6	Вогау: капитал, риск и модернизация округа
ГЛАВА 7	Лица эпохи
ГЛАВА 8	Дорога через горы: Белорецкая узкоколейка
ГЛАВА 9	Мост через Белую
ГЛАВА 10	Дом на Красной, 9: мир заводской администрации
ГЛАВА 11	Перелом: революция и Гражданская война
ГЛАВА 12	Сталь для Победы и кадр из «Вечного зова»
ГЛАВА 13	Советский город: комбинат, школы, быт
ГЛАВА 14	Тирлян
ГЛАВА 15	Белорецк сегодня
ГЛАВА 16	Белорецк в кино: «Счастье не за горами»

ПРОЛОГ

Дом, с которого начинается город

Знаешь, есть дома, мимо которых мы проходим и не замечаем. А есть те, мимо которых пройти не получается. Возле них почему-то хочется замедлить шаг. Поднять голову. Оглянуться.

С домом на Красной, 9 именно так.

Он не кричит о себе. Не требует внимания. Не старается казаться величественнее, чем он есть. Он просто стоит. Стоит уже больше ста лет. Старое кирпичное здание, которое пережило смену эпох, видело разных людей и всё это время оставалось частью живого города.

Мы долго жили рядом с этой историей, почти не задавая ей вопросов. А потом однажды решили не просто пройти мимо, а остановиться и спросить: «Что ты помнишь?»

Когда мы смотрим на старый дом, почти всегда хочется сразу спросить: кто здесь жил? Что происходило за этими окнами? Почему именно этот дом сохранился? Это честные вопросы, и мы обязательно к ним вернёмся. Но Красная, 9 будто предлагает другой путь.

Чтобы понять этот дом, сначала нужно понять весь город.

Если бы дом мог говорить, он, наверное, не стал бы начинать с себя. Сначала он показал бы нам улицу. Потом — старые кварталы. Затем —

завод, плотину, реку. И только после этого сказал бы: «Теперь вы готовы понять, почему я здесь».

Белорецк невозможно понять по частям. Он рождался как система: река и плотина, завод и лес, руда и уголь, дороги и рабочие поселения. Позже — железная дорога, школы, больницы, дома служащих, новые кварталы. Сначала появился завод. Потом вокруг него начал расти город. А дом на Красной, 9 возник значительно позже — в самом финале дореволюционной главы Белорецка.

И вот здесь очень важно быть честными.

Мне хочется, чтобы с первой же страницы мы договорились об одном. Я не буду выдавать красивые догадки за установленные факты. В этой истории будет много того, что подтверждено документами. Но будет и то, что живёт в семейной памяти, в краеведческих версиях, в устных рассказах. Я всегда буду называть вещи своими именами: вот это мы знаем точно, а вот это — пока только предположение.

Потому что, мне кажется, именно честность делает историю живой. Легенду легко полюбить и легко забыть. А расследование затягивает.

Так вот, о доме.

Сегодня наиболее аккуратная историческая формулировка описывает Красную, 9 как служебный жилой дом высшей заводской администрации и инженерно-технического состава, построенный в 1915–1916 годах, в период влияния торгового дома «Вогау и К°». Это не личный особняк семьи Вогау — я специально проговариваю это сразу, потому что красивую легенду про «дом Вогау» очень хочется рассказать, а доказательств у неё пока нет. Дом принадлежал не одной знаменитой фамилии, а целому промышленному миру: инженерам, управляющим, людям, которые каждый день отвечали за производство, решения и других людей большого заводского округа.

Давай я разложу по полочкам, чтобы было честно.

Что мы знаем точно. Мы знаем, что в 1914 году Главная контора Белорецких заводов переписывалась с Правлением о строительстве жилых домов для служащих. Мы знаем официальную охранную датировку ансамбля бывших директорских домов на Красной, 7 и 9 — это 1915–1916 годы. Мы знаем, что в Белоречке существовала целая система благоустроенного служебного жилья для ведущих инженеров и управляющих. И мы знаем, что дом № 9 был построен одним из первых в этой паре.

А чего мы пока не знаем. Мы не знаем имени первого постоянного жильца. Мы не можем доказательно назвать этот дом личным особняком семьи Вогау. Есть архивный ориентир — дело И-162, опись 1, дело 312, о строительстве жилых домов для служащих, — и его ещё предстоит проработать до конца.

Видишь, сколько вопросов? И это прекрасно. Потому что перед нами не готовая легенда, а настоящее расследование, которое ещё не закончено. Мы всё ещё ищем человека, которому завод первым доверил ключи от этого дома.

И чтобы его найти, придётся уйти далеко назад. Туда, где ещё нет улицы Красной. Нет этого дома. Нет Белоречка в привычном нам виде.

Есть только река Белая, лес, горы — и решение, которое однажды изменит здесь всё.

Дом, о котором мы говорим, — не музей и не застывшая витрина за стеклом. Он живой. Со скрипом половиц, с запахом старого дерева, с прохладой подвала, с розами под окнами. К его стенам прикасались ладонями. На них оставались тени, следы времени и семейная память. И сегодня в нём тоже живут люди — а значит, его история продолжается прямо сейчас, вместе с нами.

Поэтому и рассказывать я буду не как лекцию. Не как доклад. Не как перечень дат, фамилий и архитектурных особенностей. А как разговор по душам — между домом, городом и человеком.

Дом словно говорит нам: «Я помню. Но Расскажи обо мне так, как чувствуешь».

Что ж. Давай попробуем.

Наше путешествие начинается. И начинается оно не у порога дома, а гораздо раньше и гораздо шире — там, где ещё нет города. У воды, у леса и у гор, из которых однажды всё это выросло.

Архивные фото к этой главе

[Директорский дом, ул. Красная, 9 ↗](#) — Toshishiro · Wikimedia Commons

[Директорский дом со стороны ул. Ленина ↗](#) — Larochka barbarochka · Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 1

До завода: река Белая, горы и лес

Закрой глаза на секунду.

Нет улицы Красной. Нет дома № 9. Нет завода, нет железной дороги, да и самого города ещё нет. Есть только горы, густой лес и река Белая, которая спокойно несёт свои воды между берегами.

Мне очень важно, чтобы мы начали именно отсюда. Потому что о старом доме легко думать так, будто он и есть начало всего. А на самом деле дом на Красной, 9 — почти последняя глава в очень длинной истории этого места. Всё, что было до него, — вода, камень, руда, лес — старше его на столетия. И если мы хотим по-настоящему услышать дом, сначала нужно услышать землю, на которой он стоит.

Давай посмотрим вокруг.

Здесь Южный Урал. Горы старые, невысокие, обкатанные временем, поросшие лесом до самых вершин. Между ними течёт Белая — по-башкирски Агидель. Река дала имя и городу: Белорецк — «город на Белой». В этих местах она ещё молодая, быстрая, чистая, совсем не похожая на широкую равнинную реку, какой станет дальше.

И вот что важно понять с самого начала.

Каждый город появляется не просто так. Одни рождаются на перекрёстке дорог. Другие — вокруг крепостей. Третьи — у больших торговых путей. А Белорецк появился потому, что здесь совпали три вещи сразу: руда в горах, лес для древесного угля и река, способная дать энергию.

По отдельности ни одно из этих богатств не построило бы города. Руда без угля — просто камень. Уголь без воды — просто тепло. Река без руды — просто красивая река. Но вместе, в одной долине, они складывались в редкую и очень ценную комбинацию. Именно её однажды и разглядели люди, которые умели считать и рисковать.

Здесь хочется сказать честно ещё об одном.

Земля не была пустой.

Мы иногда рассказываем историю заводов так, будто до завода тут ничего и никого не было — глушь, дикий лес, «неосвоенные» места. Это

неправда, и мне не хочется её повторять. Этими горами, лесами и берегами издавна пользовались башкирские роды. Здесь пасли скот, охотились, кочевали, знали каждую тропу и каждый брод. У этой земли уже были хозяева, имена и своя память задолго до первой домны.

Поэтому историю Белорецка честнее рассказывать вместе с историей этой земли и людей, живших на ней до промышленного освоения. Завод пришёл не на пустое место. Он пришёл туда, где уже была жизнь, — и эту жизнь во многом изменил. Так бывало на всём горнозаводском Урале, и Белорецк здесь не исключение. Мне кажется, признать это — не значит очернить историю города. Наоборот. Настоящее уважение к месту начинается с того, что мы не притворяемся, будто до нас тут была пустота. У этой земли была память и до первой домны, и честный рассказ бережёт её, а не стирает.

Точные детали того, как именно земля переходила под будущий завод, — это отдельный большой сюжет, и к нему мы ещё вернёмся в следующей главе, когда появятся первые имена и первые даты. Пока же мне важно только одно: помнить, что у долины была своя история и до нас, и до завода.

А теперь попробуй представить это место таким, каким оно было в середине восемнадцатого века.

Тишина. Никаких заводских гудков. Никакого дыма над крышами — потому что и крыш-то ещё нет. Только шум воды на перекатах, ветер в вершинах, крик птицы, треск сучьев под копытом. Место красивое, щедрое — и совершенно безлюдное в том смысле, в каком мы привыкли понимать «город».

Но в этой тишине уже спрятано всё будущее.

В глубине гор лежит руда, которая однажды станет белорецким железом. По склонам стоит лес, который превратится в уголь для домен. А

река терпеливо ждёт своей главной работы: скоро её перегородят плотиной, и она начнёт вращать колёса, качать мехи, приводить в движение молоты. Пока об этом никто не знает. Пока это просто река.

Мне нравится думать, что дом на Красной, 9 — далёкий потомок вот этой самой тишины. Между ней и его кирпичными стенами лежит сто пятьдесят лет труда, огня, расчётов и человеческих судеб. Но начало у всего одно: горы, лес и вода, которые оказались в нужном месте в нужное время.

Поэтому Белорецк невозможно понять без завода. Но и завод невозможно понять без реки, леса и гор. Здесь всё связано в один узел, и распутывать его мы будем не спеша.

В следующей главе в эту тишину впервые войдут люди — с именами, деньгами, замыслом и очень конкретным решением. Они посмотрят на ту же реку, что и мы сейчас, и увидят в ней не только красоту, но и силу. С этого решения и начнётся город.

А пока — просто постоим здесь ещё минуту. У воды. До завода. До дома. До всего.

Архивные фото к этой главе

[Река Белая \(Агидель\) у Белорецка ↗](#) — Д. Смирнов · ЭтоРетро

[Гора Иремель \(музейная картина\) ↗](#) — Госкаталог РФ

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

1762: Твердышев, Мясников и рождение завода

Теперь в нашу тишину впервые входят люди.

У них есть имена: Иван Твердышев и Иван Мясников. Симбирские купцы и заводчики, компаньоны, свояки — и одни из самых деятельных промышленников своего времени на Урале. Там, где другие видели глухие горы и труднодоступную реку, они увидели будущее предприятие. Руду, уголь, воду и деньги, которые всё это способно принести.

Год, который принято считать началом Белорецка, — 1762-й.

Давай сразу договоримся о важной тонкости, потому что с датами тут легко запутаться, а мне не хочется, чтобы мы что-то упрощали. 1762 год — это год основания завода и заводского поселения при нём. Но дата разрешения и организационного начала — это ещё не дата, когда всё реально заработало. Академические исследования относят первую документально известную плавку к 1767 году. То есть между замыслом и первым железом прошло около пяти лет. И это очень по-белорецки: здесь ничего не появлялось за один день.

Город вообще не появляется за один день. Сначала возникает производственный замысел. Потом — плотина и заводской пруд, без которых механизмы не заработают. Потом корпуса, домны, молотовые фабрики. Потом жильё для мастеровых, дороги, склады. И только затем, постепенно, — школа, больница, торговля, храм. Жизнь нарастает вокруг производства слой за слоем, как годовые кольца.

Стоит сказать честно и о том, как этот завод возникал.

Земля, на которой встал Белорецкий завод, была куплена у башкир — по документам той эпохи, за довольно скромную по нашим меркам сумму. Я специально не превращаю это в красивую сцену «справедливой сделки»: отношения заводчиков и коренного населения на горнозаводском Урале были непростыми, а порой и болезненными. Об этом ещё будет повод вспомнить, когда мы дойдём до бунтов и кризисов. Пока просто зафиксируем: завод пришёл на землю, у которой уже были прежние хозяева, и это часть той же честной истории.

А дальше начинается то, ради чего всё и затевалось.

Реку Белую перегораживают плотиной. Вода поднимается и образует заводской пруд — рукотворное озеро, которое станет и сердцем производства, и лицом города. Об этом пруде мы отдельно поговорим в следующей главе, потому что он заслуживает целой главы. Здесь важно другое: с появлением плотины река перестаёт быть просто рекой. Она становится двигателем.

И вокруг этого двигателя начинает собираться народ.

Сначала приходят мастера и рабочие. Люди, которые умеют обращаться с огнём и металлом, — а таких везли издалека, порой с других уральских заводов, порой из центральных губерний. Потом подтягиваются их семьи. А вместе с семьями появляется всё то, из чего состоит живая жизнь: язык, привычки, праздники, ремёсла, соседство, свадьбы, кладбище. Так на месте недавней тишины начинает рождаться настоящий горнозаводской мир — особый уклад, которого не встретишь ни в чисто крестьянской деревне, ни в купеческом городе.

Мне кажется важным задержаться на этом слове — уклад.

Горнозаводской посёлок жил иначе, чем всё вокруг. Его ритм задавал не восход и закат, а завод. Гудок будил утром, гудок звал на смену, гудок отпускал домой. Судьба человека здесь во многом зависела от

того, что происходит у домны и у пруда. И это ощущение — что твоя жизнь связана с большим общим делом, с огнём, который нельзя гасить, — надолго стало частью белорецкого характера. Оно, кстати, дожило и до советского времени, и до наших дней.

Завод давал людям работу, а люди давали заводу жизнь. Одно без другого здесь не существовало.

А теперь вернёмся мысленно к нашему дому.

Красная, 9 появится почти через полтора столетия после этих событий — в 1915–1916 годах. Между первой плавкой и его кирпичными стенами лежит огромная эпоха. Но, если вдуматься, дом тоже рождён вот этим решением 1762 года. Не его огнём — но его судьбой. Не было бы того давнего замысла двух купцов — не было бы ни этой улицы, ни этого дома, ни Белорецка, каким мы его знаем сегодня. Всё, что будет дальше в нашей книге, вырастает из этого корня.

Поэтому я и не тороплюсь. Мне хочется, чтобы к моменту, когда мы наконец подойдём к двери дома, ты уже чувствовал за его спиной всю эту толщу времени. Полтора века труда. Несколько поколений мастеровых. Смену хозяев, войн, правлений. Дом — это ведь не только стены. Это ещё и всё, что стоит за ними.

Мы знаем твёрдо: 1762 — основание, 1767 — первая известная плавка, купцы Твердышев и Мясников — основатели. Всё остальное — плотину, пруд, первые улицы, первые семьи — история дорисовывает уже не таким чётким пером, и мы будем аккуратны с деталями.

А в следующей главе спустимся к самой воде. К плотине и пруду. К той силе, без которой огромное промышленное сердце этого места не смогло бы сделать ни одного удара.

[Белорецкий завод, старое фото ↗](#) — Wikimedia Commons

[Завод и Свято-Троицкая церковь ↗](#) — Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 3

Вода, которая построила город

Если смотреть на Белую сегодня, трудно поверить, что именно вода определила судьбу целого города.

Мы привыкли к тому, что река — это про красоту. Про прогулку вдоль берега, про рыбалку, про закат над водой. И всё это правда. Но в истории Белорецка у воды была совсем другая, очень серьёзная работа. Здесь река не украшала город. Она его строила.

Давай разберёмся, как это было устроено, — без сложных технических слов, просто по-человечески.

Металлургическому заводу восемнадцатого века мало было найти руду и лес. Нужна была ещё энергия — сила, которая приведёт в движение тяжёлые механизмы. Ни электричества, ни паровых машин в нужном масштабе тогда здесь не было. Была вода. И люди научились превращать её движение в работу.

Реку перегораживали плотиной. Вода поднималась и разливалась в заводской пруд. А потом её по устроенным руслам и жёлобам направляли на большие водяные колёса. Колёса вращались — и через хитрую систему валов и рычагов двигали то, что само по себе весило десятки пу-

дов: раздували мехи, подававшие воздух в домну, поднимали и опускали тяжёлые кузнечные молоты. Пруд был как заведённая пружина огромных часов. Пока в нём есть вода — механизмы живут. Спусти воду — и завод замирает.

Вот почему плотина и пруд появились в Белоречке одними из первых, ещё до многих домов. Без них завод был бы просто грудой корпусов. С ними он становился живым организмом.

И знаешь, что мне кажется самым красивым в этой истории?

Пруд, созданный ради железа и огня, стал самым нежным местом города.

Он и сегодня в самом сердце Белоречка. Широкая спокойная вода, в которой отражаются небо, горы, крыши, заводские трубы. Летом — лодки и рыбаки, зимой — лёд и снег. Место, куда приходят просто постоять, подумать, сфотографироваться, назначить встречу. То, что задумывалось как чистая техника, со временем стало душой города.

Здесь мне хочется сказать про одну книгу, которая, по-хорошему, стоит за спиной всей нашей истории.

Есть у белоречского краеведа Александра Васильевича Егорова книга с чудесным названием — «Зеркало Белоречского пруда». Она вышла в 2004 году и рассказывает историю завода и города через образ пруда: как в его воде на протяжении столетий отражались людские судьбы, эпохи, лица. Автор собирал материал годами, работал в архивах — и назвал свою книгу именно так неслучайно. Пруд для Белоречка и правда как зеркало. Он старше почти всего в городе, он видел всех и всё, и он до сих пор отражает каждого, кто подойдёт к берегу.

Я не пересказываю эту книгу дословно — у неё свой автор и свой голос. Но образ мне очень близок, и мне хочется, чтобы ты его почувствовал. Мы ведь, по сути, делаем то же самое, только через дом, а не через

воду. Смотрим в одно отражение и пытаемся разглядеть в нём целый город.

Теперь давай честно про то, чего мы не знаем.

О самой ранней плотине — как именно она была устроена в первые десятилетия, сколько раз перестраивалась, как менялся контур пруда за два с половиной века — сохранилось меньше точных сведений, чем хотелось бы. Плотины на уральских заводах не раз чинили, наращивали, переделывали после паводков и аварий. Поэтому, когда мы смотрим на сегодняшнюю воду, честнее говорить не «вот такой пруд был при основателях», а «вот место, где вода работала на город с самого начала». Точный облик менялся. Смысл оставался прежним.

А ещё в городе есть шлюзы — место, о котором отдельно стоит сказать. Их часто вспоминают, у них есть своё лицо и своя роль в жизни пруда и плотины. Но с документальной опорой по ним пока сложнее, чем хотелось бы: хорошего архивного кадра ранней эпохи в открытых собраниях мы пока не нашли. Так что шлюзы — из тех точек нашего маршрута, у которых честный статус звучит как «ищем ответ». И это тоже часть работы: не выдумать красивую подпись, а признать, что здесь нам ещё предстоит поискать.

И вот к чему я веду.

Когда мы будем идти дальше — к домам, к людям, к нашему дому, — важно помнить одну простую вещь. Завод дал городу работу. Но воду заводу дала река. Поэтому в Белорецке почти невозможно провести чёткую границу между природой и промышленной историей. Они не спорили друг с другом. Они выросли вместе, из одного корня.

Дом на Красной, 9 стоит недалеко от этой воды. Люди, которые в нём жили, наверняка видели пруд каждый день — по дороге на завод и обратно, из окна, с прогулки. Для них он не был достопримечательно-

стью. Он был просто частью жизни, такой же привычной, как заводской гудок.

А для нас он теперь — то самое зеркало. Подойди к воде, посмотри в неё. Где-то в этом отражении есть и наш дом, и все, кто когда-либо в нём жил.

В следующей главе мы подойдём к самому жаркому месту этой истории — к огню домны. К тому, как на самом деле жил и чем дышал горнозаводской мир, из которого однажды вырастет и наш дом.

Архивные фото к этой главе

[Заводской пруд и старая улица ↗](#) — Wikimedia Commons

[Водосброс плотины ↗](#) — Pesotsky · Wikimedia Commons

[Пруд и доменный цех ↗](#) — Pesotsky · Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 4

Огонь домны: как жил горнозаводской мир

Давай теперь подойдём ближе к огню.

Всё, о чём мы говорили до сих пор, — река, плотина, пруд, руда, лес — сходилась в одной точке. В домне. В огромной печи, где из камня рождалось железо. Это и было сердце завода, ради которого всё затева-

лось. И, честно говоря, чтобы понять белорецкий характер, надо хотя бы на минуту постоять рядом с этим огнём.

Я расскажу простыми словами, без металлургических тонкостей.

В домну сверху загружали руду и древесный уголь. Снизу мощные мехи — те самые, что качала вода из пруда, — вдували воздух. Внутри разгорался жар такой силы, что камень отдавал спрятанное в нём железо. Внизу его собирали, а дальше под тяжёлыми молотами превращали в то, что можно продать и использовать: полосы, прутья, изделия. Белорецкое железо ценилось за качество — это не местная гордость, а факт, отмеченный ещё в старых описаниях уральских заводов.

Но за красивой картиной огня и металла стояла очень непростая жизнь.

Домну нельзя было погасить и зажечь заново по настроению. Однажды раздутая, она должна была работать непрерывно — днём и ночью, месяцами. А значит, непрерывно должны были работать и люди. Смены, которые сегодня показались бы нам нечеловеческими. Жар, копоть, тяжесть, постоянный риск. Углежоги в лесах жгли уголь, рудокопы добывали руду, возчики везли всё это к заводу, мастеровые стояли у печей и молотов. Целый мир труда, в котором каждый был звеном одной раскалённой цепи.

И вот здесь я хочу остановиться и сказать важное.

Мне не хочется делать прошлое удобнее, чем оно было.

Очень соблазнительно рассказывать историю старого завода как красивую сказку: могучие домны, гордые мастера, славное железо. Всё это правда. Но правда и то, что горнозаводской мир держался на очень тяжёлом, зависимом, часто подневольном труде. Значительную часть рабочих на уральских заводах восемнадцатого века составляли приписанные и крепостные люди, чья воля почти им не принадлежала. Их руками и делалось то самое славное железо.

Поэтому, когда мы любимся старыми панорамами завода и пруда, честно помнить и о цене. Не для того, чтобы посыпать голову пеплом, а чтобы уважать этих людей по-настоящему. Их имён мы в большинстве уже никогда не узнаем. Но именно они — первые строители того города, к дому которого мы идём.

Теперь про уклад, который из всего этого вырос.

Горнозаводской посёлок жил по своим законам. Здесь всё вращалось вокруг завода — работа, достаток, положение в обществе, даже расположение домов. Ближе к производству и к управлению селились одни люди, дальше — другие. Возникла своя негласная иерархия: мастеровые, приказчики, служащие, инженеры, управляющие. И у каждого слоя было своё место — в прямом, географическом смысле тоже.

Запомни, пожалуйста, эту мысль. Она нам очень пригодится, когда мы дойдём до нашего дома.

Потому что Красная, 9 — это дом с самой верхней ступеньки этой лестницы. Не изба мастерового у завода, а благоустроенное служебное жильё для человека из высшего инженерно-технического или управленческого круга. И само его положение, вид, качество кладки — это язык той самой иерархии. Дом как бы говорит: здесь жил тот, кому завод доверял решения. Но об этом — позже.

Пока же вернёмся к огню.

За полтора века белорецкий завод пережил очень многое. Периоды подъёма и периоды тяжёлых трудностей. Смену хозяев. Войны и потрясения, которые доходили и до этих гор. Но — и это удивительно — само производство здесь ни разу не остановилось насовсем. Оно менялось, перестраивалось, переживало кризисы, но огонь, однажды зажжённый в восемнадцатом веке, по сути так и не погас. Металл в Белоречке делают и сегодня, пусть уже совсем по-другому.

Мне кажется, в этом и есть главная особенность города. Белорецк — не про один яркий момент. Он про непрерывность. Про то, что дело передаётся дальше, из поколения в поколение, из эпохи в эпоху. И дом на Красной, 9 — тоже про это. Он ведь тоже не остановился: был служебным жильём заводской эпохи, стал жилым домом советского времени, остаётся жилым и сейчас. Огонь и дом живут по одному закону — пока их не бросают, они продолжают.

Что мы знаем твёрдо: белорецкое железо ценилось за качество; завод работал на непрерывном тяжёлом труде, значительную часть которого несли зависимые люди; производство здесь никогда не останавливалось насовсем. А вот подробности каждой отдельной смены, имена большинства первых мастеровых, точное устройство ранних печей — это уже область, где документов мало и где мы стараемся не додумывать.

В следующей главе огонь на время отойдёт в тень. Мы поговорим о деньгах, наследниках и долгах — о том, как заводской округ переходил из рук в руки в девятнадцатом веке и подошёл к порогу, за которым понадобилась совсем новая эпоха. Та самая, в которую однажды и построят наш дом.

Архивные фото к этой главе

[Корпус доменного цеха](#) ↗ — Toshishiro · Wikimedia Commons

[Доменный цех \(архив музея\)](#) ↗ — Госкаталог РФ

[Белорецкий завод](#) ↗ — Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья](#) ↗. Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

Пашковы: наследство, долги и конец одной эпохи

У каждого большого дела рано или поздно наступает момент, когда основатели уходят, а дело остаётся. И тогда выясняется самое интересное: сможет ли оно жить дальше без тех, кто его придумал.

Для Белорецких заводов такой момент наступил в девятнадцатом веке.

Основатели, Твердышев и Мясников, к тому времени уже ушли. Их горнозаводская империя — а это была именно империя, несколько заводов на Южном Урале, — перешла к наследникам. И здесь на сцену выходит фамилия, которая надолго связана с Белоречьком: Пашковы.

Заводской округ достался этой семье по наследству, через родственные связи с основателями. И вот тут начинается сюжет, знакомый, наверное, каждому, кто когда-либо получал большое хозяйство в наследство. Одно дело — построить. Совсем другое — удержать.

Давай по-честному. Я не буду делать из Пашковых ни злодеев, ни героев — для того и другого у нас слишком мало точных данных, а красивые оценки в истории обычно врут. Скажу так, как это выглядит по общей канве уральской промышленной истории.

Девятнадцатый век был для многих старых уральских заводов веком трудным.

Белорецкий округ был активом сложным. Богатым — но удалённым, дорогим в содержании и неудобным для вывоза продукции. Представь: железо надо было довести из глубины гор до большой воды и больших дорог, а путей толком не было. Всё вокруг менялось — техника, рынок, само устройство хозяйства. Отмена крепостного права в 1861 году пе-

ревернула привычный уклад: заводы, десятилетиями жившие подневольным трудом, вдруг оказались перед необходимостью нанимать рабочих, платить, конкурировать по-новому. Многие старые горнозаводские хозяйства этого испытания не выдержали.

И заводской округ, растущий и по-прежнему работающий, постепенно накапливал долги.

Мне кажется, в этом нет ничего постыдного — и уж точно нет вины какой-то одной семьи. Это скорее болезнь целой эпохи. Старая горнозаводская модель, придуманная в восемнадцатом веке, к концу девятнадцатого начала задыхаться. Ей нужны были огромные вложения: новая техника, новые дороги, новая энергетика. А таких денег у наследников старых заводов, как правило, уже не было. Они умели владеть. Но для рывка в новый век нужен был не просто владелец. Нужен был инвестор с большим капиталом и длинным дыханием.

Вот к этому порогу Белорецкий округ и подошёл.

Давай я честно отделю, что мы тут знаем, а что — только общий контур.

Мы знаем твёрдо: округ, основанный Твердышевым и Мясниковым, в девятнадцатом веке перешёл к наследникам, среди которых была семья Пашковых; что это был период роста производства и одновременно накопления долгов; и что к 1870-м годам хозяйство подошло к необходимости смены хозяина и модели. Это подтверждается общей историей округа.

А вот детали — кто именно, в какие годы, какие конкретно суммы и сделки — это уже область, где краеведы и историки уточняют, спорят и работают с архивами. Я не буду называть точных цифр, в которых не уверена, и приукрашивать драму. Скажу просто: к 1874 году сложилась ситуация, в которой округу срочно понадобился новый капитал и новое управление.

И вот здесь мне хочется сделать шаг в сторону — к мысли, ради которой, может быть, и написана вся эта глава.

История заводов — это ведь не только про печи и деньги. Это ещё и про то, как поколения передают друг другу дело. Кто-то строит на голом месте. Кто-то получает готовое и должен решить: сохранить, приумножить или отпустить. Кто-то приходит со стороны и вдыхает новую жизнь. И почти всегда в этой цепочке есть тяжёлый, честный момент — когда прежние хозяева понимают, что дальше вести дело сами уже не могут.

Мне это близко и по-человечески. Потому что и с домами так же. И с целыми городами.

Дом на Красной, 9 родится уже в следующую эпоху — не при Пашковых, а при тех, кто придёт им на смену. Но без вот этого трудного девятнадцатого века, без долгов и усталости старой модели, не было бы и повода для перемен. Иногда именно кризис расчищает место для нового. Долги Пашковых, как ни странно, — один из корней той волны модернизации, на гребне которой позже появится и наш дом.

Так одна эпоха подошла к концу. Старая горнозаводская модель, честно отработав своё столетие, уступала место чему-то новому. Заводу нужен был человек — или, вернее, целая семья, — способная увидеть будущее там, где другие видели только долги и риск.

И вот ещё что стоит запомнить, прежде чем мы двинемся дальше. Переход от Пашковых к новой эпохе не был красивой сделкой между довольными сторонами. По документам той поры он оказался связан с конкурсным производством — то есть с разбором долгов и имущества обременённого хозяйства. Проще говоря, дело переходило в новые руки не от силы, а от усталости. Это важная деталь, и мы к ней ещё вернёмся, потому что именно она объясняет, почему новым хозяевам пришлось не просто владеть, а буквально вытаскивать округ.

В следующей главе такая семья появится. С фамилией, которую в Белоречке помнят до сих пор и с которой чаще всего — и не всегда точно — связывают наш дом. Вогау.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 6

Вогау: капитал, риск и модернизация округа

А теперь — фамилия, вокруг которой в Белоречке ходит больше всего рассказов. Вогау.

Именно с ней чаще всего связывают наш дом. Именно её вспоминают, когда хотят добавить Красной, 9 блеска и знатности. И именно поэтому я хочу быть здесь особенно аккуратной. Потому что, чем красивее легенда, тем осторожнее надо с фактами.

Давай сначала о том, что мы знаем твёрдо.

С 1874 года Белоречские заводы оказались под влиянием московского торгового дома «Вогау и К°». Это была крупная предпринимательская группа с немецкими корнями, одна из заметных в тогдашней России. Точная дата у этого поворота есть: 15 февраля 1874 года был утверждён устав Акционерного общества Белоречских железоделательных заводов Пашковых. И тут важная тонкость, которую я не хочу проглатывать: переход к новой форме был связан не с продажей благополучного дела, а с конкурсным производством — попросту говоря, с разбором долгов обременённого хозяйства. Проблемный актив получил новых хозяев — с деньгами, связями и, главное, с готовностью вкладываться

вдолгую. Первыми директорами общества в краеведческих публикациях называют Морица Марка и Конрада Карловича Банзу, а правление находилось в Москве и принимало ключевые финансовые и технические решения.

И вложения были серьёзные. Цифры сохранились, и они впечатляют: основной капитал общества в 1874 году — порядка 250 тысяч рублей, а к 1914 году — уже около 7 миллионов. За сорок лет — рост в десятки раз. За этими сухими числами стоит очень конкретная работа: рудники, заводы, энергетика, дороги, жильё и — отдельная большая история — узкоколейная железная дорога через горы, о которой у нас будет своя глава.

Так вот, о честности.

Это не история чистого бескорыстия. И не удобная сказка о добрых спасителях, которые пришли и всех осчастливили. Это история большого семейного бизнеса — с расчётом, риском, инвестициями, прибылью и модернизацией. Вогау кредитовали собственное общество и вкладывали в него огромные деньги — но одновременно получали проценты, дивиденды и прибыль от сбыта. Они рисковали — и зарабатывали. Как это обычно и бывает с большим делом.

И была ещё одна сторона, о которой нельзя молчать.

Модернизация давалась людям тяжело. В эти же годы случались снижения расценок, недовольство, забастовки. Рабочий Белорецк умел не только трудиться, но и отстаивать себя, — и об этом у нас тоже будет отдельный разговор. Так что жизнь при Вогау — это не глянцевая картинка процветания. Это непростое, живое время, в котором прогресс и человеческая цена шли рядом. Я не хочу делать прошлое удобнее, чем оно было: чем сложнее правда, тем сильнее в ней слышны настоящие голоса.

А теперь — самое важное для нашей книги. И самое деликатное.

Скажу прямо: дом на Красной, 9 — это не доказанный личный особняк семьи Вогау.

Мне очень хочется, чтобы эта фраза у нас с тобой прозвучала спокойно и ясно, без надрыва. Просто как факт нашей работы. Вогау были не местными жителями Белорецка, а московскими предпринимателями, владельцами и акционерами. Управляли округом на месте другие люди — их доверенные инженеры и администраторы. Поэтому корректнее говорить не «дом Вогау», а «дом эпохи Вогау»: служебное жильё высшей заводской администрации и инженерно-технического состава, построенное в тот период, когда округом владело общество, созданное этой семьёй.

Разница тонкая, но принципиальная. «Дом Вогау» — это красивая легенда о знаменитых владельцах. «Дом эпохи Вогау» — это честная историческая рамка. Дом принадлежал их промышленному миру. Но поселить в него саму семью Вогау мы, по документам, права пока не имеем.

Есть даже фотография — семья Вогау в 1892 году: Гуго и Аделе фон Вогау с пятью дочерьми. Снимок живой, домашний, у него есть источник и авторская атрибуция. Когда смотришь на него, история будто обретает лица. Но и здесь я честно скажу: этот снимок показывает одну из ветвей семьи — и ничем не доказывает, что кто-то из этих людей когда-либо переступал порог дома на Красной, 9. Красивое фото и наш дом связаны только через общую эпоху. Не будем превращать это в то, чем оно не является.

И знаешь, мне кажется, так даже интереснее.

Потому что вместо готовой знаменитости у нас остаётся живой вопрос: кто же на самом деле здесь жил? Кто был тем человеком из высшего инженерного или управленческого круга, для которого построили этот

дом? Мы пока не знаем его имени. Но у нас есть контур мира, в котором он существовал: капитал Вогау, модернизация округа, ежедневная ответственность за производство и людей.

И ещё одно личное признание — уже от меня, хозяйки этого дома.

Мне почему-то кажется, что если бы семья Вогау и дальше отвечала за созданный ими промышленный мир, их забота не заканчивалась бы у порога дома. Что достойное здание было бы окружено достойной средой: садом, благоустройством, вниманием. Но я сразу оговорюсь — это моё личное ощущение, а не установленный исторический факт. Скорее внутреннее понимание того, что большой семейный бизнес формирует вокруг себя не только производство, но и целый уклад жизни. Пусть это останется именно тем, чем является: моим чувством, а не документом.

К этому чувству — и к розам под окнами — мы ещё вернёмся ближе к концу книги.

А в следующей главе я хочу ненадолго остановить время и всмотреться в лица. Потому что за всеми этими словами — «капитал», «правление», «акционерное общество» — стояли живые люди с именами, семьями и судьбами. Прежде чем ехать дальше, к дорогам и мостам, давай познакомимся с некоторыми из них поближе.

Архивные фото к этой главе

[Завод и Свято-Троицкая церковь ↗](#) — Wikimedia Commons

[Белорецкий завод ↗](#) — Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

ЖИВОЙ АРХИВ · БЫЛО И СТАЛО

Город, который можно потрогать

518 архивных карточек с датами, источниками и статусом прав. Ползунок «тогда/сейчас».

zovgoroda.ru/arhiv-polnyy

Часть II. Люди эпохи, дорога и мост через Белую

ГЛАВА 7

Лица эпохи

За словами «капитал», «правление», «акционерное общество» очень легко потерять самое главное — живых людей. А ведь за каждым решением, каждой цифрой, каждым построенным домом стоял кто-то конкретный. С именем, лицом, семьёй, характером. Поэтому давай ненадолго остановим время и посмотримся в несколько лиц той эпохи, к которой принадлежит и наш дом.

Сразу договоримся, по-честному, как мы это умеем. Все, о ком пойдёт речь, — люди промышленного мира Вогау. Того самого мира, для которого строились директорские дома на Красной улице. Но ни об одном из них у нас нет документа, что он жил именно в доме № 9. Так что это глава не про жильцов нашего дома, а про его эпоху. Про тех, чьи портреты сохранились и помогают почувствовать, какими были эти люди.

Начнём с той самой фотографии, о которой я уже мельком говорила.

Семья фон Вогау. Снимок 1892 года: Гуго и Аделе фон Вогау и их пять дочерей. У фотографии есть источник — она публиковалась в материале зарубежного издания, с авторской атрибуцией. И это большая удача: обычно от владельцев подобных промышленных домов остаются только фамилии в документах, а тут — живые лица, домашняя сцена, дети. Смотришь — и «торговый дом Вогау и К°» перестаёт быть сухой строчкой из устава. Но помни красную линию: это московская семья владельцев, а не белорецкие жители. Снимок показывает лишь одну из ветвей рода и ничем не доказывает, что кто-то из этих людей когда-либо переступал порог Красной, 9. Красивое фото и наш дом связаны только общей эпохой — не более.

Теперь — человек, чьё имя стоит у самого начала акционерной эпохи. Конрад Карлович Банза.

В краеведческих публикациях его называют среди первых директоров Акционерного общества Белорецких заводов, учреждённого в 1874 году. В нашем фотоархиве сохранились его портреты — есть кадры 1884 и 1900 годов. То есть это не полулегендарная фигура, а вполне узнаваемый человек с задокументированным лицом. Интересно и то, что семьи заводчиков были связаны между собой родством: в архиве есть, например, портрет Эммы Герман — в разных записях она проходит и как Банза, и как фон Вогау. Такие семейные переплетения — обычное дело для делового мира той поры; но точную родословную я оставляю специалистам и не берусь чертить её наугад.

Рядом с Банзой в списке первых директоров краеведы называют и фамилию Марк. Мориц Марк — среди тех, кто стоял у истоков общества. А в фотоархиве сохранился ещё и трогательный семейный кадр 1907 года: дети Гуго Марка, Макс и Конрад. Марки и Банзы, Вогау и их доверенные — всё это один тесный круг людей, который управлял огромным и далёким уральским хозяйством из Москвы. Как именно Мориц и Гуго

Марк связаны между собой, я утверждать не стану — это опять же вопрос к родословным, а не к моим догадкам. Но сам факт, что до нас дошли даже детские портреты этой семьи, дорогого стоит.

И, наконец, человек совсем другого типа — не московский владелец, а управитель на месте. Коль.

Управителя К. О. Коля краеведческие материалы связывают с Белоречком середины 1910-х годов; сохранились фотографии и его самого, и его дома, датированные примерно 1914 годом. И вот это для нас особенно важно. Потому что Коль — представитель как раз того круга, для которого и строили благоустроенное служебное жильё вроде нашего: доверенные управители, инженеры, администраторы, которые каждый день, здесь, на месте, вели завод, отвечали за производство и людей. Не владельцы из столицы, а те, кто держал дело руками.

Обрати внимание на одну деталь, честную и важную. У Коля был свой дом — и он задокументирован отдельно. Это лишний раз напоминает: у благоустроенных заводских служащих было несколько разных домов, и нельзя автоматически связывать один сохранившийся адрес с одной знаменитой фамилией. Именно поэтому мы так осторожны с Красной, 9. Директорских и управительских домов в городе было не по одному.

Вот они, лица эпохи. Семья фон Вогау на домашнем снимке. Директор Банза. Семья Марк с детьми. Управитель Коль у своего дома. Разные люди, разные роли — владельцы, директора, управители, — но все из одного промышленного мира, который на излёте старой России построил в Белоречке и заводы, и дороги, и дома для своих служащих.

И знаешь, что мне кажется самым честным итогом этой галереи? Теперь у истории есть лица — но у нашего дома по-прежнему нет доказанного имени. Мы можем смотреть в глаза людям той эпохи и всё равно не знать, кто из них — или кто-то совсем другой, безымянный

пока для нас, — первым получил ключи от Красной, 9. Лица есть. Таблички на дом мы всё равно не вешаем.

А теперь, познакомившись с людьми, поедem через горы. По дороге, которую как раз эти люди и строили, — по узкоколейке. Это одна из самых красивых инженерных историй Белоречка. И одна из самых человеческих.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 8

Дорога через горы: Белоречкая узкоколейка

У всякого богатства есть своя беда. У Белоречка бедой была дорога. Точнее — её отсутствие.

Представь себе: завод делает прекрасное железо, самое качественное на всю округу. Но завод спрятан в глубине гор, вдали от больших рек и больших дорог. И вот это железо надо как-то вывезти к людям, которые его купят. По горным трактам, гужом, через перевалы, зимой по снегу, весной по распутице. Долго, дорого, тяжело. Можно сказать, что весь смысл белоречского дела упирался в одну простую и злую проблему: как довезти.

И в начале двадцатого века эту проблему решили красиво и по-инженерному дерзко. Построили железную дорогу. Через горы.

Давай по фактам, потому что они здесь особенно хороши.

Строительство узкоколейной железной дороги велось в первой половине 1910-х годов — как раз в ту самую эпоху Вогау, о которой мы говорили. В разных источниках рамки чуть разные: где-то называют 1910–1914 годы, где-то 1911–1913-й. По подрядчикам открытые источники называют известные фирмы — немецкую «Артур Коппель», специализировавшуюся на узкоколейках, и структуры, связанные с самими Вогау. А вот одна дата держится твёрдо: в ноябре 1912 года прошёл первый поезд по участку между станцией Запрудовка и Тирляном, а ещё примерно через год линию довели до Белорецка. Так завод наконец получил надёжную стальную нить, связавшую его с большой страной.

Пара слов про странное название — Запрудовка. Так называлась станция узкоколейки в Катав-Ивановске, у выхода к большой железнодорожной сети. От неё-то и тянулась дорога в белорецкие горы. Каждый день по ней ходил состав — говорят, из восьми пассажирских вагонов — от Запрудовки до Белорецка и обратно. Для многих поколений белорецчан этот поезд стал не просто транспортом, а частью жизни: на нём ездили к родне, в город, на учёбу, за покупками, на фронт и с фронта.

И вот что важно понять про масштаб.

Белорецкая узкоколейка со временем стала одной из самых протяжённых узкоколейных железных дорог не только в округе, но и во всей стране. Три самые длинные узкоколейки Советского Союза — и наша среди них. Вдумайся: маленький горный завод породил дорогу такого размаха. Это ли не лучший портрет белорецкого характера — делать по-настоящему большое там, где, казалось бы, для этого нет никаких условий.

Узкоколейка — это ведь ещё и особая эстетика. Узкая колея, компактные аккуратные паровозы (в Белорецке долго работали знаменитые паровозы серии «Ак»), маленькие вагончики, которые вились по склонам, по насыпям, вдоль рек, между лесистыми горами. Люди, которые её помнят, рассказывают об этой дороге с удивительной нежностью.

Она была неспешной, живой, почти домашней. Совсем не похожей на большую грохочущую магистраль.

А ещё именно к этой транспортной эпохе относится один из самых узнаваемых символов Белорецка — водонапорная башня. Её построили в 1916 году, высотой около восемнадцати метров, на пересечении нынешних улиц Точисского и Ленина; сегодня это охраняемый объект культурного наследия. В краеведческой традиции её проект часто называют немецким — но, честно говоря, это пока версия, которую ещё предстоит подтвердить чертежами, так что я не буду выдавать её за установленный факт. Башня и сегодня стоит в городе, и, между прочим, попала даже в кино — но об этом чуть позже, в главе про «Вечный зов». Пока просто запомним: башня и узкоколейка — ровесники нашего дома. Все они родились в один короткий промежуток, на самом излёте старой эпохи, — 1914, 1915, 1916 годы. Как будто город перед большой бурей успел сделать несколько своих главных вещей разом.

Теперь — честная граница, как мы и договаривались.

Точные даты по отдельным участкам дороги, имена инженеров и подрядчиков, детали строительства в разных источниках слегка расходятся: где-то называют один год открытия, где-то соседний, где-то по-разному описывают этапы. Это нормально для большой стройки, растянутой на годы и на десятки километров. Поэтому крупными мазками я говорю уверенно: 1910-е, эпоха Вогау, участок за участком, одна из длиннейших узкоколеек страны. А в мелких датах и деталях оставляю место для уточнения — их ещё сверяют по документам.

И скажу, чем эта история заканчивается, чтобы круг замкнулся.

Узкоколейка служила Белорецку очень долго — почти весь двадцатый век. Она возила железо и людей, пережила революцию, войну, весь советский период. А потом, уже в наше время, её судьба подошла к концу: движение по легендарной дороге прекратилось в начале двухтысяч-

ных. Для многих белоречан это было настоящим прощанием — как будто ушёл близкий человек, которого знали с детства. Осталась память, фотографии, редкие сохранённые вагоны и паровозы — и очень тёплые рассказы.

А теперь вернёмся к нашему дому — он ведь совсем рядом с этой историей.

Красная, 9 строилась в те же самые годы, что и башня, и последние участки дороги. Люди, которые жили в этом доме, почти наверняка слышали гудки узкоколейки, ездили этими поездами, встречали на станции гостей и грузы. Инженер или администратор заводского округа не мог быть в стороне от главной транспортной артерии завода — это была часть его работы и его дней.

Так что дорога через горы — это не просто соседний сюжет. Это мир, к которому наш дом принадлежал напрямую. Мир движения, инженерной смелости и большой ежедневной ответственности.

В следующей главе мы спустимся с гор к самой воде — к мосту через Белую. Небольшому на вид, но такому, в котором сходятся сразу и быт, и труд, и большая история города.

Архивные фото к этой главе

[Полотно бывшей узкоколейки](#) ↗ — Pesotsky · Wikimedia Commons

[Насыпь узкоколейной дороги](#) ↗ — Pesotsky · Wikimedia Commons

[Разрушенный мост узкоколейки через Шушпу](#) ↗ — Pesotsky · Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья](#) ↗. Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

Мост через Белую

Есть в Белоречке место, которое любят все. Мост.

Не тот большой и функциональный, по которому едут машины, а старый пешеходный, подвесной, деревянный — тот, что чуть покачивается под шагами и с которого так хорошо смотреть на воду. Для города он не просто переправа. Он что-то вроде общего сердца: место встреч, свиданий, прогулок, фотографий. Через него ходили на работу деды, потом отцы, потом мы. И он до сих пор соединяет берега — и людей.

Давай расскажу его историю. Она короче, чем у завода, но по-своему очень трогательная.

Дело в том, что река Белая делит Белорецк на части. И долгое время попасть с одного берега на другой было непросто. Летом — вброд или в обход, зимой — по льду. А ведь людям надо было каждый день ходить на завод, и путь этот выходил долгим и неудобным, особенно для тех, кто жил в Верхнем селении, а работал на Сталепроволочно-канатном заводе на другой стороне.

И вот в 1935 году эту проблему решили. Весной, за считанные месяцы — с февраля по май — построили пешеходный мост. Он соединил берега на прямую и сразу сократил рабочим дорогу. Простое, казалось бы, сооружение — а сколько человеческого времени, сил и шагов оно сэкономило. Мост строили не ради красоты, а ради людей: чтобы утром можно было выйти из дома и коротким путём дойти до смены.

Мне это очень нравится. В истории Белоречка вообще почти нет вещей «просто для красоты». Плотины — ради энергии. Узкоколейка — ради железа. Мост — ради того, чтобы человек быстрее дошёл до работы. А красота приходила потом, сама, как будто в награду за честную пользу.

Так и с этим мостом: он задумывался как удобство, а стал одним из самых любимых и узнаваемых образов города.

А потом пришла война. И у моста появилась ещё одна память — уже совсем не бытовая.

В годы Великой Отечественной по этому мосту уходили на фронт. Люди шли через Белую к станции узкоколейки — той самой дороги через горы, о которой мы только что говорили, — чтобы оттуда ехать дальше, на большую землю, на войну. Представь эту картину. Ранний час. Река. Деревянный настил, чуть подрагивающий под ногами. И люди, идущие по нему в одну сторону — не на смену, а на фронт. Многие — в последний раз.

Я не хочу этого драматизировать сверх меры. Но и пройти мимо не могу. Потому что мост — это как раз то место, где большая история становится очень личной. По нему шли не абстрактные «трудящиеся» и «бойцы», а конкретные белоречане: чьи-то мужья, сыновья, братья, соседи. Их провожали здесь же, у воды. И вода всё это видела — как и наш пруд из третьей главы. Река в Белоречке вообще многое помнит.

Теперь честно про то, чего я не додумываю.

Точные детали — сколько раз мост чинили и перестраивали, каким он был в самый первый год, как менялся его облик за десятилетия, — это тема для отдельного краеведческого разговора. Деревянные подвесные мосты живут не вечно: их ремонтируют, обновляют, порой возводят заново на прежнем месте. Поэтому, когда мы любимся сегодняшним мостом, честнее говорить не «вот таким он был в 1935-м», а «вот место и вот традиция, которой уже почти сто лет». Место и смысл держатся крепче, чем доски.

А ещё скажу вот что. Мост — прекрасный пример нашего главного приёма «было и стало». Есть старые кадры, есть современные. Стоишь

на том же месте, где стоял фотограф много лет назад, — и видишь, как изменился город вокруг, и как почти не изменился сам мост. Вода та же. Горы те же. Река всё так же несёт своё течение. Меняются только люди на настиле да одежда на них.

И, конечно, вернёмся к нашему дому.

Красная, 9 и этот мост — почти соседи по городу. Люди, которые жили в доме в разные годы, наверняка ходили по этому мосту, смотрели с него на воду, встречали здесь знакомых. А в трудные годы, о которых мы ещё расскажем, кто-то из живших рядом мог провожать здесь родных на фронт. Дом и мост — части одной городской ткани, одного ежедневного маршрута.

Мне кажется, если бы дом умел гулять, он бы обязательно приходил сюда. Постоять у перил. Посмотреть на реку. Послушать, как поскрипывают доски под шагами. Здесь очень хорошо думается о времени — о том, как много его прошло и как мало, в сущности, изменилось в главном.

В следующей главе мы наконец сделаем то, к чему шли всю книгу. Подойдём к двери. К самому дому на Красной, 9 — и заглянем в него честно, отделяя то, что мы знаем, от того, что нам только хочется знать.

Архивные фото к этой главе

[Заводской мост в Белоречке ↗](#) — IlshatS · Wikimedia Commons

[Руины старого моста ↗](#) — Annakostyl · Wikimedia Commons

[Деревянный мост, 1936 — самый длинный в России ↗](#) — ЦБС Белоречка

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

ТОЧКА ВХОДА

Откройте дверь на Красной, 9

Служебный дом заводской администрации эпохи «Вогау и К°» — окно в целый город.

zovgoroda.ru

Часть III. Дом на Красной, 9 и его век

ГЛАВА 10

Дом на Красной, 9: мир заводской администрации

Вот мы и подошли к двери.

Всю книгу мы шли к этому дому кругами — через реку, завод, пруд, огонь, деньги, дорогу, мост. И теперь, когда за спиной у нас полтора века белорецкой истории, можно наконец сказать про сам дом честно и спокойно. Без легенды. Но и без сухости.

Красная, 9 появилась почти в самом конце эпохи Вогау. Официальная охранная датировка — 1915–1916 годы. Это был не дом московских владельцев торгового дома, а представительское служебное жильё, со-

зданное для человека из высшего инженерного или административного круга Белорецкого общества. Дом № 9 построили первым из пары директорских домов на Красной улице — рядом стоит его «брат», дом № 7. И, что интересно, возвели его на месте более раннего деревянного здания: место было обжитым и раньше, просто застройка сменилась на более солидную, кирпичную.

Давай ещё раз, спокойно, повторим главное — потому что именно вокруг этого больше всего путаницы.

Это не доказанный личный особняк семьи Вогау.

Я знаю, как красиво звучит «дом Вогау». Как хочется в это поверить. Но доказательств у этой красивой версии пока нет, и я не стану выдавать желаемое за установленное. Корректная формулировка такая: дом на Красной, 9 — служебный жилой дом высшей заводской администрации и инженерно-технического состава, построенный в эпоху, когда округом владело акционерное общество, созданное торговым домом «Вогау и К°». Дом принадлежал их промышленному миру. Но не самой семье лично.

И вот тут самое честное признание всей книги.

Мы пока не знаем имени первого постоянного жильца этого дома.

Не знаем — и не придумываем. Есть архивный ориентир: дело о строительстве жилых домов для служащих, шифр И-162, опись 1, дело 312. Есть документированная переписка 1914 года Главной конторы завода с Правлением о строительстве такого жилья. Есть охранный датировка. Но конкретное имя человека, которому завод первым доверил ключи, — это пока открытый вопрос. Мы его ищем: по домовым книгам, по заводским документам, по семейным архивам.

Зато мы можем описать мир, для которого такой дом строился. И в этом мире есть живые лица.

Например, горный инженер Аксель Эмильевич Гассельблат. Человек этой промышленной эпохи. Он прибыл в Белоречье в 1873 году, а с 1874-го управлял Тирлянским заводом. В 1876 году его направили в Швецию — изучать новые металлургические технологии. Он вернулся с чертежами и специалистами, нужными для технического переустройства производства. Вот типичный портрет человека того круга, для которого и возводили директорские дома: инженер, повидавший мир, отвечавший за модернизацию, за людей, за огонь. Но — сразу оговорюсь — из того, что Гассельблат жил и работал в этом округе, вовсе не следует, что он жил именно в доме № 9. Это разные утверждения, и смешивать их нельзя.

Или семья Зарудных — история, от которой щемит сердце. В краеведческих материалах сохранился след их судьбы: супругов освободили из тюрьмы 1 апреля 1918 года, а в 1920-м Сергей Зарудный оказался в эмиграции — сначала в Японии, затем в Харбине, где работал на Китайско-Восточной железной дороге. Разлука, переезды, вынужденное рассеяние. Эта семейная история помогает почувствовать, что означала смена эпох для людей заводского управленческого круга. Но и здесь я честна: в воспоминаниях упоминается другой дом управляющего, а документального подтверждения, что Зарудные жили именно на Красной, 9, пока нет. Так что поселить их в наш дом я не имею права.

Видишь, как это работает? У нас есть капитал Вогау. Есть инженер Гассельблат. Есть судьба семьи Зарудных. Есть сам дом. Но связать их всех в одну гладкую легенду — «здесь жил вот этот знаменитый человек» — мы не можем. И не будем. Честнее говорить не о доме конкретной знаменитости, а о доме заводской администрации — материальном свидетеле той системы, в которой пересекались капитал, инженерная работа и человеческие судьбы.

Но круг поиска у нас всё же есть — и это уже не легенда, а работа с документами. Повседневно заводом управляли не московские владельцы,

а люди на месте: Главная контора, доверенные представители, управляющие, инженеры. Среди фигур этого круга исследование называет главного управляющего Евгения Константиновича Поленова, инженера Оскара Николаевича Рудбаха и Людвигу Эдуардовича Бальдвина-Рамульта. По должности и положению это вполне вероятные кандидаты на благоустроенное служебное жильё — но именно кандидаты. Прямой адресной записи «Красная, 9» за кем-то из них пока не найдено, и потому ни одно из этих имён я не поставлю на дом как табличку. Кстати, о том, каким был уровень жизни верхушки, кое-что говорит сохранившийся в публикациях контракт того же Рудбаха: высокое жалованье, премия, бесплатная квартира с отоплением и освещением, экипаж, лошадь и кучер. Вот для людей такого уровня и строили дома вроде нашего.

И расследование это вполне конкретное. В описях уже выявлены дела, которые могут однажды назвать первого жильца: переписка о строительстве жилых домов для служащих 1914 года (И-162, оп. 1, д. 312), планы зданий вне заводской территории (д. 296), описание построек 1915 года (д. 350), книги счёта новых сооружений и застрахованного имущества, штатная книга служащих. Но опись сообщает только название и даты дела — а чтобы связать бумагу с сегодняшним адресом, нужно прочитать сами листы, планы, обороты и вклейки. Пока это не сделано, любая громкая фамилия остаётся гипотезой, а не подписью на мемориальной доске. И, к слову, о доме ходит немало легенд — про немецкий проект, про детский сад, про тайный подземный ход. Ни одна из них пока не имеет документального подтверждения: скорее всего, технические подвальные пространства и коммуникации и породили красивую молву. Я оставляю такие истории именно там, где им место, — в графе «требуется проверка».

А теперь давай спустимся в подвал. Потому что там дом рассказывает о себе сам, без всяких легенд.

В подвале время ощущается иначе. Здесь сохранилась не музейная декорация, а настоящая инженерная ткань дома: котёл в кирпичной обмуровке, дымовые каналы, ревизионные люки, заслонки, следы механизма, который, по-видимому, подавал уголь к котельной. Дом с самого начала строился с комфортом высокого уровня — с собственной системой отопления. Для 1915 года в горном заводском посёлке это говорит о многом: так обустраивали жильё не для рядового работника, а для человека, чьё положение того требовало.

И тут я снова аккуратна с формулировками — прямо как подписи под фотографиями в нашем архиве. Что-то в подвале — сохранилось точно: котёл, обмуровка, каналы. Что-то — вероятно: осмотровые люки, прочистные отверстия, дымовая заслонка. А что-то — пока только версия: например, остаток скребкового транспортёра для угля или назначение отдельных деталей. Точное устройство системы ещё исследуется. И я специально держу эту границу между «видно на фотографии» и «предполагаем по логике». Дом заслужил, чтобы о нём говорили точно.

Сегодня Красная, 9 — объект культурного наследия регионального значения. И в нём живёт другая семья. Дореволюционное служебное жильё пережило революцию и войну, вошло в советскую повседневность как обычный жилой дом — и дошло до нашего времени живым. А значит, его история не закончилась. Мы не владельцы этого прошлого. Мы лишь временные хранители дома, который помнит больше, чем пока способен рассказать.

В следующей главе мы увидим, как рушился и пересобирался тот мир, в котором дом только-только появился на свет. Революция и Гражданская война. Самое опасное для старого дома время — и то, которое он всё-таки пережил.

 Архивные фото к этой главе

[Директорский дом, ул. Красная, 9](#) — Toshishiro · Wikimedia Commons

[Директорский дом, ул. Красная, 7 ↗](#) — Toshishiro · Wikimedia Commons

[Директорский дом \(общий вид\) ↗](#) — Larochka barbarochka · Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 11

Перелом: революция и Гражданская война

Наш дом появился на свет в очень неудачный, если задуматься, момент. Или, наоборот, в очень символический. 1915–1916 годы — это последний вдох старой России. Дом только достроили, ещё, наверное, пахло свежей кладкой и деревом, — а привычный мир уже стоял на пороге большого слома.

Пройдёт совсем немного времени, и всё, ради чего этот дом строился, перестанет существовать.

Давай попробуем почувствовать это по-человечески, а не по учебнику.

Дом задумывался как служебное жильё для человека из верхушки заводского округа — инженера, администратора, управляющего. Вся эта система держалась на определённом порядке: есть владельцы, есть акционерное общество, есть иерархия служащих, есть заведённый ход дел. Дом был частью этого порядка, его материальным выражением. Кирпич, отопление, положение на улице — всё это язык устойчивого мира, который собирался стоять долго.

А мир взял и рухнул.

Сначала — Первая мировая война, которая уже шла, когда дом строили. Потом — 1917 год, революция. Потом — Гражданская война, которая прокатилась и по Уралу, и по Белорецку. Менялось всё сразу: государство, собственность, власть, деньги, названия учреждений, сами люди у власти. То, что вчера казалось незыблемым, за несколько лет превратилось в прошлое.

Надо честно сказать: Урал в эти годы был не тихой окраиной, а местом настоящей драмы. Горнозаводские посёлки, с их рабочими традициями, оказались в самой гуще событий. И рабочий Белорецк здесь не был в стороне. У города вообще была своя история сопротивления и борьбы: ещё в начале века, в 1905 году, здесь, как и по всему промышленному Уралу, поднималась волна рабочего недовольства. Люди, которые каждый день стояли у огня, умели постоять и за себя. Так что к 1917 году Белорецк подошёл с уже накопленным опытом борьбы.

С этими годами связано и имя революционера Павла Точисского — фигуры, память о которой сохранилась в белорецкой истории. О его судьбе и о событиях 1917–1918 годов в округе краеведы рассказывают подробно, и здесь я сознательно не берусь пересказывать каждый эпизод: это отдельная большая и непростая тема, в которой много спорного и болезненного. Скажу лишь то, в чём уверена: эти годы были для города временем крови, раскола и потерь. Гражданская война — это всегда трагедия, где линия фронта проходит между соседями, а иногда и внутри семей.

И вот здесь мне хочется вернуться к дому. Потому что именно в такие времена решается его судьба.

Подумай: что обычно происходит со «служебным домом заводской администрации», когда самой этой администрации в прежнем виде больше нет? Когда владельцы уехали или разорены, общество упразд-

нено, власть сменилась? Очень часто такие дома ждала печальная участь — их могли разграбить, приспособить под учреждения, перестроить до неузнаваемости или попросту забросить.

Красной, 9 повезло. Дом уцелел.

Он не стал руиной и не исчез. Дореволюционное служебное жильё просто перешло в новую жизнь — вошло в советскую повседневность как обычный жилой дом. Там, где раньше жил инженер заводской верхушки, стали жить другие люди, с другими судьбами и другим отношением к миру. Дом сменил эпоху — но остался собой. Остался стоять.

Мне кажется, в этом есть какая-то тихая мудрость самих домов. Люди делят историю на «до» и «после», на «наше» и «чужое», воюют за идеи и власть. А дом просто продолжает быть домом. Ему нужно, чтобы в нём жили, топили печь, открывали окна, ходили по половицам. И, пока это происходит, ему, в общем, всё равно, как называется государство снаружи. Он служит человеку — любому человеку, который в нём живёт.

Скорее всего, где-то в эти годы поменялось и само имя улицы. «Красная» — название явно советского времени; как улица называлась прежде, до перелома, — вопрос к краеведам, и я не буду наугад называть старое имя, в котором не уверена. Но сам факт красноречив: сменилась эпоха — сменилась и вывеска на углу. А дом под этой новой вывеской остался прежним.

Теперь честная граница, как всегда.

О том, что происходило конкретно с домом № 9 в 1917–1920-е годы — кто именно в нём жил, как он использовался в самые бурные месяцы, — точных документов у нас пока нет. Я не стану сочинять драматичные сцены «здесь прятались», «здесь заседали» — это было бы красиво и нечестно. Что мы знаем твёрдо: дом пережил перелом, не был разру-

шен и продолжил жить как жильё. Всё остальное — предмет дальнейшего архивного поиска.

И всё же сам этот факт — что дом уцелел — для нашей книги очень важен. Ведь если бы он не выстоял в эти годы, не было бы ни следующих глав, ни этого разговора, ни роз под его окнами сегодня. Самое опасное время дом прошёл. А впереди у него была ещё одна большая эпоха — советская. И в ней его ждала война, кино и совершенно неожиданный поворот, который однажды свяжет большую историю страны с одной конкретной семьёй.

Об этом — в следующей главе.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 12

Сталь для Победы и кадр из «Вечного зова»

Есть в истории Белоречка глава, о которой здесь говорят с особым чувством. Война.

К 1941 году Белорецк был уже не тем маленьким горнозаводским посёлком, с которого мы начинали. С 1926-го он официально стал городом, а к концу 1930-х вырос почти до сорока тысяч жителей. И главное — он умел делать то, что вдруг оказалось нужнее всего на свете. Металл. Проволоку. Стальные канаты.

Давай спокойно, без громких слов, про то, что это значило.

Металлургический комбинат в войну работал на фронт. Он выполнял военные задания, расширял выпуск специальной проволоки, канатов и другой продукции — того, без чего не летали самолёты, не ходили машины, не работала техника. Есть и точный документальный след этого времени: архивный документ от 28 января 1942 года фиксирует мобилизацию заводского коллектива на выполнение плана. Сухая канцелярская фраза — а за ней целый город, вставший к станкам ради общей беды и общей надежды.

Про белорецкую проволоку рассказывают, что в те годы она была едва ли не единственной в стране — что без неё встало бы очень многое. Эту мысль я встречала и у краеведов, в том числе в книге Егорова «Зеркало Белорецкого пруда». Звучит она сильно, и, скорее всего, в ней есть большая правда. Но масштаб такого утверждения — «единственный город» — я честно отношу к тому, что стоит сверять по документам, а не повторять как готовый лозунг. Достаточно и без преувеличений: Белорецк в войну был одним из тех тыловых городов, чей труд буквально держал фронт.

А работали у станков в основном женщины, подростки, старики. Мужчины ушли. Помнишь мост из девятой главы — тот самый, пешеходный, через Белую? По нему в эти годы уходили на фронт, к станции узкоколейки, чтобы ехать дальше. Многие — навсегда. И вот пока одни шли по этому мосту на войну, другие оставались здесь, у огня, и делали для них сталь. Две стороны одной беды, соединённые одной рекой.

А теперь — история, ради которой, может быть, и написана вся эта глава. История о том, как большая война однажды стала для одной семьи очень личной. Через кино.

Летом 1974 года в Белорецк приехала съёмочная группа. Снимали «Вечный зов» — тот самый огромный, всенародно любимый фильм-эпопею о судьбах людей через войны и десятилетия. Город подошёл для этого идеально: здесь в одном месте сошлись заводские корпуса, старые

улицы, река, плотина, горы. Камере не нужно было ничего строить — весь нужный мир уже стоял и жил.

И в фильме есть сцена, от которой в Белоречье до сих пор замирает сердце. Руководителю докладывают по телефону: эвакуированный завод запущен, первый снаряд готов. Камера переносит нас в цех, где рабочие завершают его изготовление. Для города, который в реальности делал сталь для фронта, это не просто эпизод. Это как будто зеркало — своя же судьба, показанная большим кино.

А дальше начинается семейное.

По семейному свидетельству автора этого проекта, в одном из заводских эпизодов «Вечного зова» снялся её отец — из тех, кто в жизни стоял у настоящего станка. Всего несколько секунд плёнки. Но семья узнала своего, разглядела, подтвердила. И теперь эти секунды — уже не просто кадр из старого фильма. Это мост между большой историей страны и одним конкретным домом на Красной, 9, в котором сегодня живёт эта семья.

Здесь я снова буду честной, потому что обещала.

Семейная идентификация участника конкретного эпизода — это именно семейное свидетельство, а не установленный архивный факт. Для полной, «музейной» атрибуции нужно покадровое сопоставление, данные съёмочной группы, воспоминания участников. Я специально не выдаю память за документ. Но и не отношусь к ней свысока. Потому что память и документ отвечают на разные вопросы. Документ подтверждает, что событие было. А память объясняет, почему оно до сих пор живёт, почему от него теплеет в груди.

Проверять всё это по-настоящему помогает и отдельная книга — «Кино в Белоречье» Елены Ситновой и Светланы Абутаевой, вышедшая в 2016 году. Она о кинопоказах, кинотеатрах и съёмках в наших краях. Из неё

видно, что «Вечный зов» — не единственный гость: Белоречье снимали и в «Пропавшей экспедиции», и в «Золотой речке». Горы, река, старые улицы снова и снова становились большой съёмочной площадкой. Город будто создан для того, чтобы в нём чувствовалось время.

И вот что удивительно. Название фильма — «Вечный зов» — неожиданно совпало с тем, как действует на людей наш дом. Прохожие замедляют шаг у Красной, 9. Поднимают голову. Фотографируют. Пытаются заглянуть внутрь. Сначала появляется чувство — а уже потом вопрос.

Именно поэтому «Вечный зов» в нашем проекте — не рекламный лозунг, взятый напрокат, а образ той самой памяти, которая снова и снова возвращает человека к одному и тому же месту.

Так война, завод, кино, семья и дом сошлись в одном кадре — буквально в нескольких секундах старой плёнки. И дом, переживший революцию, пережил и это огромное время. Он снова устоял. Снова остался собой.

А впереди у него была долгая, спокойная и по-своему счастливая эпоха. Большой советский город, который вырос вокруг него. Об этом — в следующей главе.

Архивные фото к этой главе

[Белорецкий завод — сталь для фронта ↗](#) — Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 13

Советский город: комбинат, школы, быт

После войны в жизни нашего дома наступает долгая, спокойная эпоха. Пожалуй, самая мирная за всю его историю. Вокруг него окончательно вырастает большой советский город.

Давай проследим, как это происходило, — по цифрам, потому что они тут говорят сами за себя.

В 1926 году заводское поселение официально стало городом. С 1930-го Белорецк — центр целого района. А теперь смотри, как он рос. В 1920 году здесь жило около двенадцати-тринадцати тысяч человек. К 1939-му — уже почти сорок тысяч. А к концу 1980-х население приблизилось к семидесяти трём тысячам. За жизнь одного дома город вырос в несколько раз. Представь: дом строили в тихом дореволюционном посёлке, а к его семидесятилетию вокруг шумел большой промышленный город. И всё это он видел из своих окон.

В основе этого роста, как всегда в Белорецке, был завод. Только теперь это уже не маленькое горнозаводское предприятие, а большой металлургический комбинат — БМК. В послевоенные десятилетия он развивал то, что стало гордостью города: высокопрочную проволоку, металлокорд, стальные канаты. Продукцию, которую знали далеко за пределами Урала. В 1966 году комбинат получил орден Трудового Красного Знамени — по тем временам высокое и заметное признание.

Но мне хочется рассказать не столько про тонны и марки стали, сколько про людей. Потому что советский Белорецк — это прежде всего про рабочие династии.

Здесь сложилось то, что нечасто встретишь. Целые семьи, поколение за поколением, работали на одном комбинате. Дед, отец, сын, внук — все у одного дела, все у того же огня, который зажгли ещё в восемнадцатом веке. Помнишь, в четвёртой главе я говорила, что Белорецк — это город про непрерывность, про передачу дела дальше? Вот в этих

династиях она видна яснее всего. Завод для многих был не просто местом работы. Он был семейной судьбой, общей биографией, тем, что связывало поколения крепче любых слов.

А вокруг завода рос город — уже не только заводской, но и по-настоящему городской.

Появлялись новые кварталы, каменные жилые дома, широкие улицы. Кстати, один из первых советских жилых домов Белорецка стоит на улице 5 Июля — он относится к рубежу 1920–1930-х годов и хорошо показывает, как менялась застройка: от дореволюционных особняков и деревянных селений к новому, общему жилью. Появлялись школы и училища — а традиция учить в Белоречье была давняя, ещё с дореволюционных времён здесь работали и мужское, и женское училища, и даже женская гимназия. Росли больницы, поликлиники, детские сады. Открывались библиотеки, клубы, кинотеатры — те самые, о которых рассказывает книга «Кино в Белоречье».

Отдельно стоит сказать про Дворец культуры металлургов. Это большое, красивое здание 1933 года на улице Ленина — целый символ той эпохи. Дворец культуры при заводе — очень характерная советская идея: место, где рабочий человек после смены становился зрителем, танцором, певцом, участником кружка, читателем. Где показывали кино, ставили спектакли, водили детей на ёлку. Быт горнозаводского города наполнялся не только трудом, но и досугом, культурой, праздником.

Мне это по-человечески дорого. Ведь за словами «индустриализация» и «советский город» стоит очень простая и тёплая жизнь. Люди ходили на работу и с работы. Растили детей. Ссорились и мирились. Сажали картошку, топили печи, стояли в очередях, встречали Новый год. Гуляли по тому самому мосту, смотрели на тот самый пруд. Город менялся снаружи — новые дома, новые улицы, — но в главном оставался собой: городом у воды, у гор, у завода.

А что же наш дом всё это время?

А наш дом просто жил. Из служебного жилья дореволюционной заводской верхушки он давно превратился в обычный жилой дом. В нём жили советские семьи — со своими историями, радостями и потерями. Красивое дореволюционное здание с высокими потолками, с подвальной котельной, с добротной кладкой спокойно несло свою новую, негромкую службу. Оно уже не было «домом директора». Оно стало просто домом. И, мне кажется, в этом нет никакого понижения. Наоборот. Дом делал ровно то, ради чего дома и существуют, — давал людям кров.

Теперь честная граница, как всегда.

О том, кто конкретно жил в доме № 9 в советские десятилетия, как менялись его жильцы, что перестраивалось внутри, — подробных документов у нас пока немного, и это ещё предстоит собирать: по жилфонду, по домовым книгам, по воспоминаниям соседей. Кстати, с этим связана и одна путаница, которую честно стоит назвать: в некоторых пересказах дома № 7 и № 9 путают — например, в истории про детский сад. Так что даже про советский период дом хранит свои маленькие загадки, и мы их не замалчиваем, а держим в списке того, что надо проверить.

Что мы знаем твёрдо: Белорецк стал городом в 1926-м, вырос в несколько раз, жил большим комбинатом, рабочими династиями, школами, больницами и Дворцом культуры. А наш дом всё это время оставался живым жильём — и дошёл до нашего времени.

Но прежде чем выйти к нашему времени, нам нужно съездить ещё в одно место. Совсем недалеко от Белорецка, вверх по горной дороге, стоит Тирлян — посёлок-ровесник и брат нашего города. У него своя история и своя большая беда. О нём — следующая глава.

[Парад Победы, Белорецк, 1992 ↗](#) — Belor.biz

[Городской парк, Белорецк, 1991 ↗](#) — Belor.biz

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

МАРШРУТ · 15 ГЛАВ

От дома — к заводу, реке и горам

Единый путь: пруд, мост,
завод, узкоколейка, Агидель и
вершины Южного Урала.

zovgoroda.ru

Часть IV. Тирлян, горы и город сегодня

ГЛАВА 14

Тирлян

Прежде чем мы выйдем к сегодняшнему Белорецку, нужно съездить в одно место. Оно совсем недалеко — вверх по горной дороге, в стороне лесов и рек. Тирлян.

Мне важно рассказать про него отдельно, и вот почему. Мы ведь всю книгу говорим про Белорецк так, будто город — это одна точка на карте. Но на самом деле Белорецк никогда не был одиноким. Вокруг него всегда был целый горнозаводской куст — сеть заводов, посёлков, рудников, связанных общим делом, общими хозяевами и общими дорогами. И Тирлян в этой сети — не случайный сосед. Он брат Белорецка. Почти ровесник. А местами — даже старший.

Помнишь самое начало нашей истории, вторую главу? Там был один любопытный поворот, на который мы тогда только намекнули. Когда в 1762 году затевали завод, его сперва думали строить на Тирляне — и лишь потом перенесли на Белую. То есть Тирлян стоял у самых истоков замысла. А позже он стал самостоятельным заводом того же округа: здесь наладили своё производство, в том числе листопрокатное — тонкий лист, кровельное железо. Тирлянский завод был важной частью общего хозяйства, и управляли им люди того же круга, что и в Белорецке. Помнишь инженера Гассельблата из главы про дом? С 1874 года он управлял именно Тирлянским заводом. Так что нити тянутся напрямую.

И дорога их связала буквально. Та самая узкоколейка из восьмой главы шла Запрудовка — Тирлян — Белорецк. Тирлян был на ней большой станцией, важным звеном. По этим рельсам десятилетиями возили металл, грузы и людей. Для многих семей Тирлян и Белорецк были как две комнаты одного дома: тут работал, там родня, туда за покупками, отсюда невеста. Один горнозаводской мир, просто разложенный по разным долинам.

А ещё у Тирляна, как и у Белорецка, был свой пруд. Своя плотина. Своя вода, которая когда-то давала заводу силу. Помнишь, в главе про пруд я говорила, что в этих краях вода никогда не была просто украшением — она была частью технологии, частью самой жизни города? Так вот, к Тирляну это относится в полной мере. И именно с водой связана самая тяжёлая страница его истории.

Я расскажу о ней бережно. Потому что это не «интересный факт» и не «легенда для экскурсии». Это настоящая беда, живая память, боль, которую в этих краях помнят до сих пор.

В ночь на 7 августа 1994 года после сильных, долгих дождей Тирлянский пруд не выдержал. Вода поднялась выше всякой меры, и плотину проорвало. Огромный вал воды обрушился на посёлок — на дома, на улицы, на людей, спавших этой ночью. За считанные минуты вода снесла целые кварталы, разрушила жильё и производство. То, что копилось и строилось десятилетиями, было сметено одной ночью.

Погибли люди. По разным данным, счёт погибших шёл на десятки человек — но точные цифры в разных источниках расходятся, и я сознательно не называю здесь одно «окончательное» число. Это как раз тот случай, когда честнее сказать «требуется сверки», чем ради красивой определённости обидеть память хоть одного человека или, наоборот, приписать беде чужой масштаб. Важно другое: для маленького посёлка это была катастрофа, после которой Тирлян уже не стал прежним.

Многое тогда было потеряно навсегда. Пострадало и производство — та самая заводская жизнь, что теплилась здесь со времён основателей. Посёлок восстанавливали, людям помогали, жизнь продолжилась — но рана осталась. И сегодня, когда приезжаешь в Тирлян, местные помнят и показывают: вот здесь была вода, вот докуда дошла, вот чего больше нет.

Зачем я рассказываю это в книге про дом на Красной, 9?

Затем, что наша книга — про хрупкость и про память. Мы всё время говорим: дом уцелел, дом пережил революцию, дом пережил войну, дом стоит. И это правда, и это счастье. Но история Тирляна — честное напоминание, что так бывает не всегда. Что вода, которая когда-то дала этим краям жизнь, может и отнять. Что сохранить — это не что-то само собой разумеющееся, а труд, внимание и ответственность, которые

нельзя откладывать «на потом». Плотину, дом, память — всё это нужно беречь, пока не поздно.

Мне кажется, именно поэтому мы вообще всё это делаем — собираем документы, подписываем фотографии, не торопимся выдумывать и не торопимся разрушать. Потому что видели, как быстро исчезает то, что казалось вечным.

Так что Тирлян в нашей книге — не мрачное отступление. Это часть общей правды об этих горах и об этой воде. Белорецк невозможно понять без своего куста заводов и посёлков — а значит, и без Тирляна, его брата, с его трудом, его дорогой и его большой бедой.

Мы уважительно поклонимся этой памяти — и вернёмся в Белорецк. К сегодняшнему дню. К городу, который пережил очень многое и всё-таки продолжает жить. Об этом — следующая глава.

Архивные фото к этой главе

[Тирлян — панорама посёлка ↗](#) — Pesotsky · Wikimedia Commons

[Деревянный дом в Тирляне ↗](#) — Pesotsky · Wikimedia Commons

[Тирлянский пруд ↗](#) — Rustttam1986 · Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 15

Белорецк сегодня

Вот мы и дошли до сегодняшнего дня. До города, каким его можно увидеть, если приехать сюда прямо сейчас, выйти к пруду, подняться к башне, встать на мосту.

Белорецк изменился — и не изменился. Как это обычно и бывает с настоящими городами.

Самая большая перемена последних десятилетий связана, конечно, с заводом. В 2002 году здесь прекратили полный металлургический цикл — остановили доменное и мартеновское производство. Для города, который два с половиной века жил огнём домны, это было событие огромного, почти личного масштаба. Как будто у Белорецка замолчало то самое сердце, что билось с восемнадцатого века.

Но — и это важно — металл в Белорецке не закончился.

Я специально проговариваю это, потому что часто слышу упрощение: мол, «в 2002-м металлургия в Белорецке умерла». Это неправда. Закончился именно доменно-мартеновский цикл — то есть выплавка чугуна и стали из руды на месте. А проволочное, канатное, металлокордное и другое метизное производство продолжилось. Белорецкий комбинат в 2003 году вошёл в большую группу «Мечел» и работает дальше. Так что город не перестал быть металлургическим. Он просто перевернул ещё одну страницу своей очень длинной книги.

А вот с чем пришлось по-настоящему проститься — так это с узкоколейкой. Той самой дорогой через горы из восьмой главы. К 2007 году действующая Белорецкая узкоколейка прекратила существование. Для многих белоречан это было прощанием с чем-то родным, с чем-то из детства. Осталась память, остались фотографии — и остался памятник-паровоз ГР-231, к которому можно прийти и постоять. Маленький, трогательный, честный памятник целой ушедшей эпохе движения.

Сколько сейчас в городе людей? На начало 2025 года — около шестидесяти двух-шестидесяти трёх тысяч. Меньше, чем в самые многолюдные советские годы. Города меняются, молодёжь уезжает, кто-то возвращается. Это не только белорецкая история — так живёт сегодня почти любой уральский заводской город. Я говорю об этом без грусти и без прикрас. Просто как есть.

Зато у Белорезка появилось то, чего у него не было раньше. Новое лицо. Лицо города у гор.

Помнишь формулу, которую я так люблю: металл создал город, а горы определили его характер? Так вот, сегодня горы, которые когда-то давали заводу руду и лес, дают городу совсем другое — воздух, простор, туризм. Люди едут сюда кататься на лыжах в Абзаково, подниматься на Малиновую, гулять к Арскому камню, сплавляться по Белой, ездить в Тирлян с его особой, немного грустной индустриальной историей. То, что веками было ресурсом для производства, стало пространством для жизни, отдыха и красоты. По-моему, это удивительно справедливый поворот.

И город потихоньку учится ценить свою память. Работает историко-краеведческий музей. Стоят на охране памятники — водонапорная башня, Дворец культуры, наши директорские дома. Белорецк всё увереннее соединяет две свои сущности: старый горнозаводской город и современный центр горного туризма. Одно другому не мешает. Наоборот — вместе они и есть настоящий Белорецк.

Кстати, город и сегодня остаётся кинематографичным. Уже в наши дни здесь снимали большой сериал — Белорецк «сыграл» вымышленный город, а в съёмках участвовали сотни местных жителей. Снимали и музыкальный клип, после которого артист тепло написал об этом месте. Камера по-прежнему любит эти улицы, реку и горы — ровно так же, как когда-то полюбила их съёмочная группа «Вечного зова». Значит, город

всё ещё живой, всё ещё интересный, всё ещё умеет рассказывать о себе.

А теперь — про наш дом. Про то, что происходит с ним прямо сейчас, пока ты читаешь эти строки.

Красная, 9 стоит. Живая, обитаемая, с семьёй внутри. Это объект культурного наследия — и это большая ответственность. Старый дом требует внимания: где-то кладка, где-то кровля, где-то те самые подвальные тайны, которые мы всё ещё разгадываем. Но, знаешь, мне кажется, важнее любого ремонта одна простая вещь. Дом снова кто-то любит.

Вокруг него сегодня высажено уже больше двухсот кустов роз.

Скажу честно, чтобы не было недоразумений: это не реконструкция прежнего сада. Мы пока не знаем, каким был сад вокруг дома сто лет назад и был ли он вообще. Это и не попытка что-то доказать. Это просто современный жест любви. Мне давно хотелось не только сохранить этот дом, но и — я так это для себя называю — долюбить его. Вернуть ему человеческое тепло, внимание, красоту, которые не заканчиваются за порогом.

И вот тут — моё личное, не документальное. Мне кажется, что достойный дом заслуживает достойной среды вокруг. Что если бы люди, для которых он когда-то строился, продолжали за него отвечать, их забота не обрывалась бы у стен, а выходила бы в сад, в улицу, в благоустройство. Повторю то, о чём уже говорила в главе про Вогау: это моё чувство, а не установленный факт. Но именно из этого чувства и выросли розы.

Дом словно отвечает на них. «Ты всё ещё нужен. Ты всё ещё любим. И твоя история продолжается».

На этом можно было бы и закончить наш путь по времени — от реки без города до города без домны, от первой плавки до последних роз. Но у

этого дома есть ещё одна, совсем недавняя история — и она снова про кино. Про то, как Красная, 9 во второй раз попала в кадр. Об этом — следующая глава.

Архивные фото к этой главе

[Современный Белорецк ↗](#) — Pesotsky · Wikimedia Commons

[Белорецкая деревянная мечеть ↗](#) — Ильшат Саитгалин · Wikimedia Commons

Полный визуальный архив — [515 карточек Белоречья ↗](#). Фото открываются на сайтах-первоисточниках.

[↑ к оглавлению](#)

ГЛАВА 16

Белорецк в кино: «Счастье не за горами» и эпизод в нашем доме

У Белорецка особые отношения с кино. Мы уже говорили о них в главе про войну — про три секунды плёнки «Вечного зова», в которых семья узнала своего человека. Тогда казалось, что это редкая, почти чудесная случайность: большой фильм однажды заглянул в этот город и коснулся одного конкретного дома. Но история дома с кино на этом не закончилась. У неё было продолжение — уже в наши дни.

Летом и осенью 2022 года в Белорецк и его горы приехала большая съёмочная группа. Снимали сериал «Счастье не за горами» — детективную мелодраму о трёх поколениях семьи альпинистов. Режиссёр — Ольга Игоревна Субботина; продюсер и исполнитель одной из главных ролей — Александр Валерьянович Самойленко. Вышел сериал в 2023 году на канале «Россия 1».

Почему именно сюда? По той же причине, по которой когда-то выбрали эти места для «Вечного зова», — из-за гор. Съёмки шли на Синих и Малиновых скалах, у Инзерских зубцов, на Арском камне, в Абзакове, в окрестных сёлах. А сам Белорецк «сыграл» вымышленный город — на экране он назван Верхнегорском. Камере снова не пришлось ничего придумывать: нужный мир — скалы, река, улицы, дома — уже стоял и жил.

И вот что особенно трогательно. В съёмках участвовали почти девятьсот жителей Белорецкого района — в массовке и эпизодах. Это редкий случай, когда город не просто становится декорацией, а сам, всем миром, делается соавтором фильма. Кто-то по двадцать раз переигрывал одну сцену, кто-то бегал по горам, дублируя актёров, кто-то впервые в жизни увидел, как трудно и как интересно рождается кино.

На съёмках «Счастья не за горами»: режиссёр Ольга Субботина и продюсер, актёр Александр Самойленко у мониторов.

Фото: блог Белорецкой ЦБС

А теперь — самое личное. Ради чего, наверное, и написана эта глава.

Один из эпизодов «Счастья не за горами» снимали прямо здесь. В доме на Красной, 9. В нашей кухне.

Скажу честно, как обещала на протяжении всей книги: это семейная память, а не музейный факт с точной ссылкой на серию и минуту. Но это память живая и подтверждённая — у семьи сохранились фотографии со съёмок: как группа работает в доме, как техника и люди стоят у знакомых стен, как идёт сам эпизод. Такие снимки не спутаешь и не придумаешь.

Здесь встанут ваши фотографии со съёмок: кухня во время работы группы, съёмочная команда у дома, кадр самого эпизода

Мне до сих пор удивительно об этом думать. Дом, который помнит завод и войну, дом, в котором родной человек стоял у станка на плёнке «Вечного зова», — этот же дом спустя полвека снова попал в кадр. Уже в наше время, уже в нашей семье. Камера выбрала его во второй раз. И я не могу отделаться от чувства, что это не случайно: у по-настоящему живого дома есть лицо, есть характер, и его почему-то тянет снимать.

Точный эпизод в сериале нам ещё предстоит найти — так же, как мы искали кадр в «Вечном зове». Это часть нашего продолжающегося семейного исследования, и когда мы его отыщем, я обязательно допишу сюда и серию, и минуту. Пока же важнее другое: сам факт, что дом снова оказался достоин большого кино.

И вот на пороге этого дома — заводского, революционного, военного, киношного и по-прежнему живого — остаётся сказать самое важное. Не про факты и даты. Про то, зачем всё это. Об этом — короткий эпилог.

Кадры и видео к этой главе

[Кадры «Вечного зова» и «Счастья не за горами» — на странице проекта ↗](#)

эпилог

Мы — временные хранители

Ну вот и всё. Или, вернее, вот и почти всё — потому что у этой истории, кажется, вообще нет конца.

Мы прошли с тобой длинный путь. Начали у реки, где ещё не было ни города, ни дома, ни даже названия у этих мест. Прошли через огонь домны, через плотину и пруд, через долги старых хозяев и капитал новых, через дорогу в горах и мост через Белую, через революцию, войну и большой советский город. И только в самом конце подошли к двери дома на Красной, 9 — того самого, ради которого, казалось бы, всё и затевалось.

А теперь давай честно признаемся друг другу в одной вещи.

Мы так и не узнали имени первого жильца.

Мы не смогли доказать, что здесь жила семья Вогау. Мы не поставили на дом красивую табличку с громкой фамилией. Часть его тайн осталась в подвале, часть — в архивных делах, которые ещё предстоит прочитать лист за листом, часть — в семейных альбомах белоречан, до которых мы пока не добрались.

И знаешь, что я думаю по этому поводу? Это прекрасно.

Потому что если бы у дома был готовый ответ на все вопросы, он был бы просто музейным экспонатом. Красивым, но мёртвым. А наш дом — живой именно потому, что он ещё не досказан. Он оставляет нам работу. Он приглашает не восхищаться, а участвовать. Не запоминать чужие выводы, а искать вместе.

Ради этого, если честно, и написана вся книга.

Я не хотела сочинять городу красивую легенду. Легенд у Белорецка и без того хватает. Я хотела другого — собрать документы, фотографии, воспоминания, живые свидетельства. Аккуратно, честно отделить то, что установлено, от того, что пока только версия или семейная память. Сохранить то, что ещё можно сохранить. И позволить дому — а через него и целому городу — говорить своим голосом.

Мы ведь и правда здесь не навсегда.

До нас в этом доме жили другие люди. После нас придут новые. Дома и улицы почти всегда переживают человеческую жизнь — они видят, как сменяются поколения у их окон. И в этом нет ничего печального. Это просто правда, с которой хорошо жить в согласии. Мы не владельцы прошлого. Мы — его временные хранители. Одно звено в длинной, очень длинной цепочке человеческих судеб.

Иногда мне кажется, что сохранить историю — это вовсе не подвиг. Это очень простые вещи. Не выбросить старую фотографию. Подписать на обороте имена, пока их ещё есть кому вспомнить. Сберечь документ. Не торопиться сносить и переделывать. Проверить красивую легенду, прежде чем передать её ребёнку как факт. Посадить розы под окнами старого дома. Вот из таких мелочей память и живёт.

А ещё — рассказать. Передать дальше.

Если этот наш долгий разговор оказался тебе важен, я очень прошу об одном. Не оставляй его только себе. Расскажи эту историю тому, кого

любишь. Родителям. Ребёнку. Другу. Человеку, который однажды придет в наш город впервые и пройдет мимо старого кирпичного дома, не зная, сколько всего за ним стоит. История живёт, только пока её передают из рук в руки, из голоса в голос. Стоит замолчать — и она гаснет.

Поэтому давай не будем ставить точку. Точка — это слишком похоже на конец. Пусть вместо неё будет приглашение.

Приезжай в Белорецк. Выйди к пруду — тому самому зеркалу, в котором отражаются уже третье столетие подряд небо, горы и человеческие лица. Постой на мосту над Белой. Поднимись, если получится, к башне и посмотри на город сверху — как он лежит между заводом и горой, единым живым организмом.

А потом дойди до улицы Красной. Остановись у дома номер девять. Не спеши. Подними голову. Посмотри на его окна — высокие, старые, помнящие больше, чем мы когда-нибудь узнаем.

И прислушайся.

Может быть, теперь, после всего, что мы с тобой прошли, ты тоже услышишь, как он тихо говорит:

«Я помню. Помоги мне рассказать».

Окно остаётся открытым.

[↑ к оглавлению](#)

«Я помню. Помоги мне рассказать.»

